

Питер Чейни

ВСЕГДА
МОЖНО
УЛИЗНУТЬ

« А З Б У К А »

Питер Чейни
Всегда можно улизнуть
Серия «Классика
детектива. Большие книги»
Серия «Лемми Кошен», книга 10

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74134186
ISBN 978-5-389-33584-4*

Аннотация

Молодая и красивая, но не обремененная умом Карен Уэйлс не догадывается, что ее сестра Джулия служит секретным агентом и расследует подозрительное сотрудничество гангстерских шак с «пятой колонной» на территории США и Англии. Гангстерам такое внимание не нравится, и они решают похитить Джулию. Однако вместо нее безмозглые исполнители похищают Карен, и ошибка обнаруживается уже за океаном. Джулии ничего не остается, как самой отправиться в Англию – вызволять сестру. А Лемми Кошена откровенно бесит, когда люди, которым он привык доверять, что-то от него скрывают.

Содержание

Глава 1

5

Конец ознакомительного фрагмента.

37

Питер Чейни

Всегда можно улизнуть

Peter Cheyney

YOU CAN ALWAYS DUCK

© И. Б. Иванов, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

Глава 1

Сногшибательная Гайда

1

Напольные часы на площадке винтовой лестницы, что за баром-гостиной, отбивают двенадцать. Натужно так, с хрипотцой. Мне сказали, что этим часам триста лет. Похоже, у них боли в животе. Чему тут удивляться? Думаю, будь вам триста лет, вас бы тоже донимали боли в животе.

Приваливаюсь к спинке кресла и расслабляюсь. Я думаю об Адольфе Гитлере. Если бы не этот свихнутый парень, я бы сейчас сидел где-нибудь в Штатах, в приятном месте, и наслаждался жизнью.

Странная пташка этот Адольф. По-моему, он психически болен. Не самые глупые люди по всему миру ломают голову над тем, что делать с этим опасно расшалившимся малюткой. Сколько людей – столько и идей насчет ответных действий. Некоторые идеи очень даже интересны.

Это как раз и называется принятием желаемого за действительное.

Через некоторое время чувствую: хватит с меня мыслей про Адольфа. И тогда я начинаю думать про женщин. Это

хорошая привычка. Всякий раз, когда вам не о чем думать, можете загрузить мозги мыслями о какой-нибудь дамочке. Даже если это никуда вас и не приведет, вы отдохнете.

Краешком глаза вижу Бензи. Бензи выглядит так, словно он крепко перебрал. Голова у него запрокинулась набок, а дышит он так, словно ему заехали в живот бейсбольной битой.

– Слушай, ты, канадская ищейка, ты бодрствуешь или как?

– Да, – отвечает он. – А что?

– Просто спросил. Я вот тут думал о женщинах. Бензи, тебе забредала в голову мысль, что дамочки в Англии очень даже ничего? Есть в них что-то такое!

– Знаю. Одна мне об этом сказала.

– Надо же, – удивляюсь я. – И что еще она тебе поведала?

– Ты не поверишь, – говорит он, зевая во всю пасть. – Но я тоже думал о дамочках, – признаётся он. – Мысленно перебирал всех горячих штучек, с которыми пытался закрутить. Оказалось, у них куда больше разных разностей, чем я думал. Забавно, как парень иногда промахивается.

– Только не ты, – говорю ему. – У тебя с цыпочками промахов не бывает. Ты, Бензи, парень нестандартный.

Улыбаюсь ему.

– Чертовски смешно, да? – обижается Бензи. – А если серьезно, было там несколько малышей, с которыми надо бы понапористей. Одна пташка была из Голливуда. Крутая до

жути. У нее были рыжие волосы, и ногти на ногах она красила в такой же цвет. Напрасно я на ней не женился.

– Что, не захотела связать себя брачными узами с тобой? – спрашиваю его.

– У нее отбоя от мужского пола не было, – отвечает Бензи и снова зевает. – Половина голливудских парней пытались на ней жениться. – Он шумно вздыхает. – Другая половина уже попробовала. Невероятно популярная цыпуля.

– Но за тебя, Бензи, она почему-то не пошла?

– Я же тебе сказал, у нее был избыток мужского внимания. А что еще хуже, она была замужней дамочкой. Выскочила за какого-то звукооператора. Я хотел, чтобы она с ним развелась. Говорил ей, что знаю юриста, который за пятьсот долларов обштопает развод. Но ей моя идея не понравилась.

– Наверное, решила, что больно уж дорого, – предполагаю я.

Бензи качает головой:

– Заявила, что не собирается платить пятьсот «зеленых» за развод. Еще сказала, что знает людей, готовых за полсотни долларов шлепнуть этого «звукача». А один парень готов сделать это и вовсе бесплатно... так сказать, из любви к искусству.

– Но я так понимаю, она по-прежнему замужем за этим типом.

– Угу, – мрачно отвечает Бензи. – А как она его ненавидела! Говорила мне: он настолько сидит у нее в печенках, что

сама удивляется. Стоит ей посмотреть на него и вспомнить, что он ее законный муж, у нее все кишки переворачиваются вверх тормашками. Сдается мне, она получает от своей ненависти какое-то извращенное наслаждение.

– Женщины невероятно забавны, – говорю ему. – Они как виски. Тебе всегда хочется выпить, когда вокруг ни капли.

– Женщины совсем не как виски, – возражает Бензи. – Виски, если очень постараться, всегда можно достать.

– По тебе видно, – усмехаюсь я.

– Слушай, я спать хочу, – говорит Бензи. – Если что-то случится, ты меня разбудишь?

Он поворачивает голову в другую сторону и уже через две минуты храпит как слон.

Я хожу из угла в угол и думаю о дамочке по фамилии Трэвис. Лично я не прочь бы на нее взглянуть. В ней точно что-то есть, если на то пошло. Мужу она здорово отравляла жизнь. Помню, Лолли рассказывал мне про эту дамочку:

– Лемми, тебя дамочками не удивишь. Ты их перевидал чуть ли не во всех Штатах. Может, и во многих других уголках мира, но говорю тебе: ты не видел ни одной такой, как она! Мне впервые попадается женщина, в которой столько всего намешано. Повстречай Казанова эту малышку, сдался бы ей с потрохами.

Отвечаю ему, что для меня подобные обобщения бесполезны. Ни уму, ни сердцу, ни прочим частям тела.

– Хорошо, – не сдается Лолли. – Дам тебе словесный порт-

рет. Беглую зарисовку. Она высокая, но не из тех, кого называют каланча. Худощавая, но не из тех, кто кожа да кости. Нет, сэр, у этой малышки есть округлости, но такие, что не бросаются в глаза. Скрытные такие, умные округлости и потому еще более привлекательные. – Он переводит дыхание и продолжает: – А какая она гибкая и грациозная. Я бы двухмесячное жалованье отдал, – признаётся Лолли, – чтобы только полюбоваться, как она ходит целый час без остановки. Такой ритмичной походки ты точно не видел. Естественно, у нее красивые ноги и потрясающие лодыжки. Я бы на такие лодыжки пялился всю жизнь, – задумчиво добавляет он. – Я всякие лодыжки видел: красивые и не очень. Раза два мне попадались, что называется, лодыжки королевы. Но говорю тебе положи руку на сердце: когда я увидел лодыжки этой цыпочки Трэвис, я понял, что прежде мне попадались лишь бледные копии.

Говорю ему:

– Прекрасно, Лолли. С фундаментом и нижней частью этой цыпочки мы разобрались. Не подняться ли нам на верхние этажи?

Он соглашается.

– Начну с ее шеи. У нее потрясающая шея. Возможно, в прежней жизни она была лебедем. И красива не только шея, но и голова. Лицо у нее овальное, а кожа цвета сливок, что у качественного молока всегда собираются у горлышка бутылки. Мягкая, нежная кожа. На щеках легкий румянец. Та-

кой цвет бывает у персиков, которые висят на неярком солнце. Нос у нее совершенно прямой, чувственный, с тонкими ноздрями. А глаза то серые, то сиреневые, то синие...

– Не ври! – возражаю я. – Ни у одной дамочки глаза не меняют цвет. Ты поди хватил виски, когда смотрел на нее, вот тебе и померещилось.

– Нет, – отвечает Лолли. – Выпил я уже потом, когда посмотрел на эту женщину. Говорю тебе: ее глаза меняют цвет в зависимости от ее душевного состояния. Понимаешь?

– Понимаю. Ты меня просто заморозил. Продолжай.

– У нее красивые длинные ресницы, высокий лоб. Волосы каштановые, и в них мелькают светлые пряди. – Он вздыхает. – Ее рот я оставил на самый конец. Знаешь, я не могу точно рассказать, какой у нее рот. Всякий раз начинаю рассказывать кому-то из парней, а у самого судороги по всему телу. Я лишаюсь возможности нормально говорить.

– Но рот у нее все-таки есть, – заключаю я.

– Да. Надеюсь, он таким и остался. Маленький, чувственный, нежный. Но иногда бывает жестким. Ее зубы – настоящие жемчужинки. Знаешь, стоит мне о ней подумать, я теряю сознание.

Вот такой словесный портрет этой дамочки Трэвис нарисовал мне Лолли. А уж он-то не промах по части дамочек!

Закуриваю. Бензи храпит, как все черти ада. Мне думается, у Бензи не развито чувство красоты, иначе он бы не храпел так безобразно. Интересно, сколько еще мне торчать в

этой дыре в ожидании событий? Теперь я понимаю, какой смысл англичане вкладывают в слова «сыт по горло». К еде это не имеет никакого отношения. Сытым по горло ты себя чувствуешь, когда ничего не происходит, когда тебе невероятно скучно, когда ты словно стоишь на обочине дороги и смотришь, как жизнь проносится мимо, а у тебя один день похож на другой. Когда от сигареты остается половина, дверь открывается. Хозяин гостиницы просовывает голову и говорит:

– Ваш друг спрашивал про сержанта, который сюда приходил. Так он снова пришел.

– Спасибо. Сейчас я ему скажу.

Хозяин уходит. Толкаю Бензи в бок. Он просыпается.

– Ну что еще? – ворчит он.

– Просыпайся. Минуту назад сюда заглядывал хозяин гостиницы. Сказал, что твой дружок-сержант пришел. Так что иди к нему. И постарайся без глупостей, если получится.

– О'кей, – отвечает он. – Если не получится, возьму у тебя несколько уроков, Зануда.

С этими словами он уходит.

Достаю из брючного кармана фляжку, делаю хороший глоток и закуриваю новую сигарету. Сижу так минут двадцать, уставившись в потолок. Затем Бензи возвращается вместе с сержантом. Приятный парнишка: смуглый, худощавый, лицо смышленное.

– Познакомься с соотечественником, – говорит Бензи и

указывает на меня. – Это Плейелл из Сороковой морской бригады.

– Привет! – здоровается сержант и быстро окидывает меня взглядом. Так технический персонал американской армии всегда смотрит, если им попадается моряк.

Угощаю его сигаретой.

– Можешь спокойно выпить, – говорит ему Бензи. – Мы здесь живем. Мы с Плейеллом старые друзья. Получили недельный отпуск, вот и проводим вместе. – Он лезет в карман, достает фляжку раза в три больше моей и протягивает сержанту. – Промочи горло.

Сержант делает большой глоток и говорит:

– Спасибо, ребята. Щедрые вы.

– Да, – соглашается Бензи. – Добрые и простодушные. Ты не поверишь. – Он поворачивается ко мне. – Правильно говорят, что мир тесен. Как ты думаешь, кто у этого парня в командирах? – спрашивает Бензи, оттопыривая большой палец в сторону сержанта.

– Не знаю, – отвечаю я. – Мысли читать не умею.

– Не кто иной, как Трэвис, – ухмыляется Бензи. – Лейтенант Трэвис. По словам сержанта, потрясающий парень.

– Да уж, мир действительно тесен. А миссис Трэвис, которая, надо думать, жена этого лейтенанта, хорошая знакомая моих друзей. Она часто о нем говорила.

– И вряд ли с восторгом, – усмехается сержант.

Хватаюсь за эту ниточку и направляю разговор в нужное

мне русло. Думаю, что не оплошаю.

– Насчет восторга не знаю, но ничего слишком уж плохого о своем муже она не говорила. Кстати, эта миссис Трэвис тоже потрясающая дамочка.

– В самом деле? – удивляется сержант. – Может, так оно и есть, только сомневаюсь, что она его стоит. Трэвис и в самом деле хороший парень. Бывает строгим, но солдат он крепкий. Не понимаю, почему ей спокойно с ним не живет. Наверное, считает себя неотразимой красоткой, а его – заурядным малым, не чета ей.

– Так оно и есть, – киваю я. – Если женщина красивая, жди беды.

– А почему только от красивых? – удивляется Бензи. – Я встречал достаточно дурнушек, которым ничего не стоило замутить какую-нибудь беду. Если связываешься с цыпочками, неприятности обязательно будут. Поэтому уж лучше выбирать красивых.

– Не обращай внимания на него, – говорю сержанту. – Он заочно учится на философа. – Закуриваю очередную сигарету. – Интересные вещи ты рассказал про Трэвиса. Те, кого я знаю и кто знаком с его женой, не очень-то лестно отзывались о нем. Говорили, что у него прескверный характер и от него ничего хорошего ждать не приходится. У них к нему не было ни капли симпатии.

– Трэвис сильно изменился – это все, что я могу сказать, – говорит сержант. – Но мне он нравится. Надежный. Отзыв-

чивый. Если женщина не может найти с ним общего языка, по-моему, дело не в нем, а в ней.

– Приятно слышать. И давно Трэвис здесь?

– Не очень, – отвечает сержант. – Он прибыл в нашу часть с последним пополнением. Нам прислали четырех офицеров и тридцать солдат.

– Про него говорили, что он пьет не просыхая, – зевнув во весь рот, продолжаю я. – Наверное, и это вранье.

– Выпить он любит, – сообщает сержант, – но умеет держать себя в рамках. И не буйствует, когда выпьет. Не любитель расслаживаться в барах и салунах. Но это не значит, что он тихо пьет в одиночку. Трэвис успел познакомиться с местными жителями. Они всегда с удовольствием приглашают его к себе. Он человек общительный.

– И находчивый, – кивнув, говорю я. – Единственные места, где сейчас можно найти хорошую выпивку, – это частные дома. И притом в любом количестве. Везет же некоторым парням. Наверное, и здешние женщины западают на него?

– А почему бы нет? – улыбается сержант. – Парень он симпатичный, обаятельный. В нем полно того самого мужского обаяния, на которое так падки женщины. Он не строит из себя героя, не пудрит женщинам мозги. Спокойный, ненавязчивый. Женщин это подкупает. – Сержант снова улыбается. – Видели, наверное, большой дом на вершине холма. У хозяина три взрослые дочери. По-моему, все трое западали на Трэвиса. Уж не знаю, ссорятся ли они из-за него. Он

со всеми держится одинаково. Кстати, сегодня... теперь уже вчера... собирался к ним на обед. Потом там должны быть танцы. Девицы все утро названивали дежурному. По очереди, разумеется. И каждая из кожи лезла вон, чтобы пригласить Трэвиса на танцы.

– Везет же некоторым, – отвечаю сержанту и подмигиваю Бензи.

Тот снова протягивает сержанту фляжку и говорит мне:

– Не знаю, как ты, а я пошел спать.

– Да и я тоже.

Сержант надевает форменную шляпу.

– Рад был познакомиться. Спасибо за угощение.

Он уходит. Бензи закуривает.

– Ну как? Узнал, что хотел?

– Возможно, – отвечаю я. – Толком пока сказать не могу, но кое-какое представление получил.

– И что теперь собираешься делать? – спрашивает Бензи.

Я улыбаюсь.

– Собираюсь взглянуть на этот образец мужской скромности и обаяния, – отвечаю я. – Двину-ка я на эти танцульки без приглашения.

– Валяй. Только фокусов своих там не устраивай.

Бензи уходит наверх.

Смотрю на часы. Без двадцати час ночи. Закуриваю, плюхаюсь в кресло и снова думаю о Трэвисе. Раздумья не всегда дают желаемый результат, но я все равно думаю об этом

Одолев половину склона, устраиваю передышку. На обочине дороги из травы торчит пенёк. Сажусь на него, закуриваю и снова думаю, напряженнее, чем в гостиничном кресле. С места, где сижу, мне хорошо виден дом. Из-за облаков вышла луна. Светло почти как днем, и местность вокруг выглядит потрясающе. Сижу курю, смотрю на зеленые поля и начинаю понимать суть Англии – зеленого островка, жители которого столетиями отстаивают его в войнах и при этом не забывают улыбаться.

Поднимаюсь дальше. А домик-то очень даже большой. За ним не то сад, не то лесок. Чем-то это похоже на сценические декорации; в смысле пейзаж выглядит не слишком реальным, если вы понимаете мою мысль.

Прохожу через массивные ворота. Дорога перед домом расходится полукругом. Выглядит все это довольно симпатично. Все исполосовано тенями. Снаружи тихо, но изнутри доносятся звуки аккордеона. Уж не знаю, в чьих руках этот аккордеон, однако играющий настоящий музыкант.

Звонок здесь старомодный: из отверстия в стене торчит шнурок. Дергаю за шнурок и жду. Проходит минуты три или четыре. Дверь приоткрывается. На пороге пожилой парнишка с седыми бакенбардами. Сразу понимаю, что это местный

дворецкий. У него своя роль в этом спектакле.

– Добрый вечер, сэр, – непринужденным тоном здоровается он, хотя уже ночь. – Я могу вам чем-нибудь помочь?

– Думаю, да. Просьба у меня скромная. Вижу, у вас тут торжество. Не хочу влезать, меня же не приглашали. А вот американский лейтенант Трэвис наверняка в числе приглашенных?

– Да, сэр. Он здесь, – отвечает дворецкий.

– Я бы хотел с ним поговорить. Но тихо, наедине. Надеюсь, это понятно.

– А как вас представить, сэр?

Затягиваюсь сигаретой и отвечаю:

– Просто скажите, что его хочет видеть Карлос Плейелл из корпуса морской пехоты Соединенных Штатов. Я его долго не задержу.

На физиономии дворецкого отражается сомнение.

– Хорошо, сэр. Я попытаюсь его найти.

– В чем дело, Блайт? – слышится у него за спиной.

Дворецкий отходит и открывает дверь пошире. Я вхожу. Жаль, мартышки, вы не видели цыпочки, что стоит позади дворецкого!

На ней черное бархатное платье, подчеркивающее скромную нитку жемчуга на шее, бежевые шелковые чулки, крепдешиновые туфли на высоком каблуке и с бриллиантовыми пряжечками. Волосы у нее каштановые. Пожалуй, ее даже можно назвать брюнеткой. Одна крупная прядь стянута чер-

ной муаровой лентой и закинута за плечо. Говорю вам, парни: если бы я ехал с этой малышкой в поезде и случилась бы авария, я бы не стал дергать за сигнальную веревку. Я бы пялился на нее и пел «Аллилуйя», пока не подросла бы машина «скорой помощи».

– Идите, Блайт. Я сама займусь этим делом, – говорит она дворецкому.

Она бросает на меня быстрый взгляд и улыбается. Я вам говорил, что у этой куколки потрясающий ротик и такие же зубки? Если забыл, говорю сейчас.

– Вам нужен мистер Трэвис? – спрашивает она.

– Совершенно верно. Хотел бы перебраться с ним парой слов.

– Ну что ж... – как-то неуверенно произносит она.

Оглядываю коридор. В нем хватает разных штучек, сохранившихся с феодальных времен. И в то же время ощущение, будто все это декорации из какого-нибудь фильма Сэма Голдвина¹. У стен замечаю даже парочку рыцарских доспехов. Наверное, сборщики металла еще не успели заглянуть сюда, а то доспехи угодили бы в переплавку и стали бы частью танка.

– Само собой, я не хочу доставлять вам хлопот, – добавляю я.

– Я не это имела в виду. Постараюсь устроить вам встречу

¹ Сэм Голдвин (1882–1974) – американский кинорежиссер; стоял у истоков массового производства фильмов в Голливуде.

с мистером Трэвисом, но... во-первых, сейчас он участвует в соревновании по стрельбе из пистолета... за неимением тира, они стреляют в кухне. А во-вторых, думаю, он немного утомился.

Я понимаю ее иносказания и без обиняков спрашиваю:

– Вы хотите сказать, что он слишком пьян для разговоров?

– Трудно сказать. Возможно, несколько чашек крепкого кофе... – Дамочка бросает на меня романтический взгляд. – Я слышала ваш разговор с Блайтом. Вы американский военный моряк?

– Так точно, леди. Морской пехотинец.

– Всегда хотела познакомиться с военным моряком. Я пересмотрела кучу фильмов про американских морских пехотинцев и мечтала увидеть их в реальной жизни. – Она слегка вздыхает. – Вы выглядите... словом, я так и представляла себе морского пехотинца.

– Кино и реальная жизнь отличаются, – говорю ей. – Но мне приятно, что я не обманул ваших ожиданий. Надеюсь, это вас приятно взволновало.

– По правде говоря, да, – отвечает она. – А знаете, о чем я думаю?

Отвечаю, что мысли читать не умею, и усмехаюсь про себя. Хорошо, эта цыпочка не знает, о чем я на самом деле думаю.

– О том, что вы очень мужественный!

Она стоит, заложив руки за спину, что лишь подчеркива-

ет ее фигуру. Дамочка выглядит очень аппетитно; так бы и слопал.

– Мистер Плейелл, можете вы мне кое в чем помочь? – вдруг спрашивает она.

– Готов помочь вам в чем угодно, даже если я потом загремлю на гауптвахту. Если я вам помогу, надеюсь, и вы мне поможете найти Трэвиса.

– Конечно помогу, – отвечает она. – Я его найду, напою лошадиной порцией черного кофе и приведу к вам.

– Великолепно. А теперь, леди, скажите, чем вам помочь?

– Не зовите меня «леди». Мое имя Гайда.

– Надо же! Точь-в-точь как фамилия главного глашатая Муссолини!² – говорю ей, и мы оба смеемся.

Со стороны это может показаться забавной шуткой. А у меня мозговые шестеренки крутятся вовсю.

– Меня зовут Карлос, но друзья обычно называют меня Занудой!

– Я не стану вас так звать. Придумаю вам более звучное имя. А ваша помощь мне нужна вот в чем. Что означают слова «crummy bastard»?³

– Это давнее выражение американских моряков, – отвечаю я. – Означать они могут что угодно. Как хотите, так и толкуйте. Словечко «bastard» вам понятно. Оно выражает

² Имеется в виду Вирджинию Гайда (1885–1944) – итальянский журналист, аполет итальянского фашизма и рупор Муссолини.

³ Мерзкий ублюдок (*англ.*).

либо привязанность, либо относится к побочному ребенку. А «grimmy» – американский эквивалент вашего английского «lousy»⁴.

– Теперь понятно. Дорогуша, вы обождите здесь. Я вернусь. Только распорядись, чтобы мистера Трэвиса подготовили к встрече с вами.

С этими словами она уходит.

Закуриваю новую сигарету и подхожу ближе к доспехам. Это не киношный реквизит. Настоящие. Возможно, какой-то древний парень сражался в них во время битвы при Гастингсе⁵. Лично я предпочел тогда сидеть в кабине танка. Еще я пытаюсь найти более или менее привлекательные стороны во всем этом деле Трэвиса.

Успеваю выкурить половину сигареты, когда Гайда возвращается. Смотрю, как она идет по коридору в переднюю. Эта Гайда умеет ходить! Подойдя ко мне, она сообщает:

– Знаете, дорогуша, Трэвис сейчас в непотребном состоянии, но Блайт накачивает его черным кофе. Минут через пятнадцать это более или менее приведет его в чувство. Вы готовы подождать?

– Конечно. А как лейтенант отреагировал, когда вы ему сказали, что я хочу с ним увидеться?

– По-моему, он даже не понял моих слов. Я несколько раз

⁴ Переводится как «мерзкий», «отвратительный», «вшивый» (англ.).

⁵ *Битва при Гастингсе* – крупное сражение, произошедшее 14 октября 1066 года в ходе Нормандского завоевания Англии.

повторила, что это важно, а он лишь сопел, как тюлень.

– Откуда вы узнали, что это важно?

– Я обычная английская девушка, не слишком искушенная в жизни, но даже для меня очевидно, что ладный американский морской пехотинец не отправился бы ночью искать американского офицера, чтобы спросить у того, который час. А кстати, почему вы не в форме? – вдруг спрашивает она. – По-моему, в форме вы бы выглядели еще неотразимее.

– Вы чертовски правы, – говорю ей. – Кстати, такое мнение я уже слышал.

– Наверное, женщины падают вам под ноги, как кегли, – тихо произносит Гайда.

– Чего не знаю, того не знаю, – отвечаю я. – Ни разу не видел кеглей, падающих мне под ноги.

Она просит сигарету. Достая пачку, протягиваю ей и чиркаю зажигалкой.

– Как вам Англия? – спрашивает Гайда.

– Чудесная страна. Знаете, перед отплытием сюда командование роздало нам что-то вроде небольших справочников. Там много чего рассказано про англичан. Правильнее сказать, составители справочника выложили нам свои представления об англичанах. Много чего понаписали и про погоду, но, по-моему, сейчас погода просто блеск. А вообще-то, на английскую погоду можно делать ставки, как на скачках. Но этой ночью все тихо и даже загадочно. Ветерок шелестит в листьях. Луна светит. С этого холма далеко видны окрестно-

сти. По мне, так очень красиво.

– И по мне тоже, – говорит она, но серьезно так, без шуточек. – И не только красиво. Здорово. Так считают многие англичане, – продолжает Гайда. – Вы даже не представляете, как мы обрадовались, когда у нас появились brave американские военные. Это значит, что скоро войне конец и мы опять сможем путешествовать по всему миру.

– Не то слово! – подхватываю я. – Надеюсь, побываете там, где и не мечтали.

Она дотрагивается до моей руки. Пальцы у нее длинные, с красивыми ноготками, покрытыми перламутровым лаком.

– Пока мистера Трэвиса приводят в чувство, не желаете ли немного прогуляться? – предлагает она.

– С удовольствием. Парень, который написал песню «Малышка, я без тебя никуда не пойду», должно быть, сделал это, увидев вас. Сдается мне, так оно и было.

– А вы умеете говорить комплименты!

Открываю дверь, мы выходим, спускаемся с крыльца и огибаем дом слева. Потом идем по лужайке, что тянется вниз по склону. Нам попадается полянка, окруженная редкими деревьями. Останавливаемся там и смотрим на поля, залитые лунным светом. Гайда вздыхает и с мечтательной грустью говорит:

– Луна всегда действует на меня. Мне не рассказать словами, но, когда я вместе с вами стою и люблюсь на окрестности, кажется, сердце вот-вот выпрыгнет наружу.

– Да, – отвечаю я, искоса поглядывая на нее.

– Я говорю вполне серьезно. Разве на вас это не действует? Разве вы не ощущаете волнения и не чувствуете удивительную красоту жизни?

Я обнимаю ее за талию. Гайда кладет мне голову на плечо. Смотрю на нее и временно забываю обо всех своих делах. Остается лишь поцеловать дамочку, что я и делаю. И это не просто «чмок-чмок» в губки, а настоящий поцелуй.

Она вздыхает и говорит:

– Какое-то безумное мгновение. Скажи мне кто вечером, что ночью я буду на склоне холма целоваться с американским морским пехотинцем, я бы не поверила.

– Я бы тоже не поверил, – отвечаю я. – Но мы ведь оба не жалеем об этом мгновении? – Смотрю на часы. – Знаете, Гайда, я бы не прочь продлить это мгновение до утра, однако сюда я пришел по делу. Как вы думаете, лейтенант Трэвис успел хотя бы немного очухаться?

– Полагаю, что да. А вы человек дела, Зануда. Это я совсем голову потеряла. Наверное, проведи я здесь еще полчасика, вообще потеряю ориентацию в пространстве.

– Вот-вот, – усмехаюсь я. – Не говоря уже о вашей репутации!

Возвращаемся к дому. На середине лужайки останавливаюсь и говорю:

– А может, мне лучше поговорить с Трэвисом здесь? Разговор у нас с ним довольно конфиденциальный.

– Да, так будет лучше, – соглашается она. – И ночной воздух его взбодрит. Я схожу за ним.

Она уходит. Провожая ее взглядом, затем пересекаю лужайку и прислоняюсь к дереву. И в этот момент раздаётся хлопок, словно кто-то откупорил бутылку шампанского. Только это вовсе не звук вылетевшей пробки. Этот звук я слышал так часто, что не спутаю ни с чем. Быстро огибаю дерево и встаю с другой стороны. Выжидаю минуту-другую, но ничего не происходит. Выхожу на прежнее место, достаю фонарик и осматриваю древесную кору. Шестью дюймами выше места, где находилась моя голова, вижу вонзившуюся в древесину пулю. Выковыриваю ее перочинным ножом. Похоже, это пуля была выпущена из пистолета 45-го калибра. Убираю ее в карман и закуриваю.

Еще через несколько минут возвращается Гайда.

– Он скоро подойдет, – говорит она. – Сейчас он в более потребном состоянии.

– Рад за лейтенанта. А как соревнование по стрельбе?

– По-моему, все довольны. А почему вы спрашиваете?

– У стрелков пистолеты с глушителями? – интересуюсь я.

– Откуда вы узнали, дорогуша? – удивляется Гайда.

– По чистой случайности. Кто-то пальнул из подвального окна. Видно, перепутал мишень с окном. Пуля угодила в дерево. Я как раз там стоял, вот мне и стало интересно.

Достаю пулю и показываю ей.

– Солдатам это свойственно. Они слишком беспечны с ог-

нестрельным оружием.

– Драгоценная моя, если бы они были беспечны только с пистолетами, я бы не возражал, – отвечаю Гайде.

Слышим хлопнувшую входную дверь. Вскоре на лужайке появляется рослый крепкий парень. Он не слишком твердо держится на ногах, но в остальном с ним все о'кей.

– Не стану вам мешать, – говорит она. – Если вам будет нечем заняться или вдруг заскучаете, можете мне позвонить. Номер найдете в телефонной книге. Наш дом называется «Мэллоус».

– Уже запомнил, – отвечаю я. – Пока, несравненная.

– Пока, душа моя, – совсем тихо говорит она и уходит.

3

Трэвис прислоняется к дереву. По-моему, он еще не вполне соображает, какой сегодня день и в какой стране находится. Порывшись в кармане, достает портсигар и вынимает сигарету. Чиркаю ему зажигалкой. Он глубоко затягивается и смотрит на луну. Созерцание луны затягивается, и я начинаю опасаться, как бы он не завыл на ночное светило.

– Что вам угодно? – спрашивает он. – Мне передали, что пришел морской пехотинец. А почему вы не в форме?

Парень оклемывается, раз про форму вспомнил.

– Лейтенант, я в отпуске. И у меня есть разрешение ходить в гражданской одежде. По-моему, для нашей встречи даже

лучше, что я не в форме...

– Что за дурацкая манера говорить загадками? По какому делу вы хотели меня видеть?

– Я хотел немного поговорить о миссис Трэвис. Мне подумалось, что разговор будет вполне своевременным.

Трэвис смотрит на меня так, словно его огрели колом.

– Какого черта вы вообще завели со мной разговор о миссис Трэвис?

Закуриваю сигарету и нарочно делаю это медленно. Потом говорю:

– Наверное, вы не расслышали мое имя. Я Карлос Плейелл из фирмы «Уинн, Стромберг, Фиделли и Плейелл». Они ваши адвокаты. Или вы забыли?

Трэвис что-то бурчит себе под нос.

– Значит, вы Плейелл. Моими делами занимается Уинн. Вас я вижу впервые. Что еще за неприятности приключились?

– Никаких неприятностей, – отвечаю я. – Я к вам насчет развода, который вы пытаетесь получить. Когда месяц назад я прибыл в Англию, Уинн связался со мной по трансатлантическому телефону. Он так сильно волновался за вас, что получил специальное разрешение на звонок. Уинн мне сообщил, что судно, на котором вы плыли, было атаковано торпедой. За четыре дня до вашего отплытия из Штатов он послал вам документы по разводу и результаты работы наших частных детективов. Он не знал, успели ли вы их получить.

Насколько мне известно, ваш корабль после удара начал тонуть. Уинн беспокоился, что в суматохе вы могли потерять все эти бумаги.

– А с чего это он забеспокоился? – угрюмо спрашивает Трэвис.

– У него на то веская причина. Вы не хуже моего знаете, что миссис Трэвис всячески противилась разводу. От Уинна я узнал, что она вела до неприличия целомудренную жизнь. Цель проста: лишить вас оснований для развода. Он посадил ей на хвост пять лучших частных детективов, и они целый год пытались найти хоть какие-то компрометирующие факты. Словом... он так торопился, что не поручил секретарше снять с документов копии. Когда спохватился – его чуть удар не хватил. Он места себе не находил. Ведь если вы лишились документов, придется все начинать сначала, а миссис Трэвис тем временем будет ехидно посмеиваться. И никакого вам развода.

– Пусть Уинн не беспокоится, – говорит Трэвис. – Я получил все бумаги, и они уцелели. – Он вдруг улыбается. – Я бы скорее сам утонул, чем лишился их.

– У меня камень с души упал, – говорю ему. – Я могу вылезти из адвокатской шкуры и вновь стать морским пехотинцем, а это, между нами говоря, куда более привлекательная работенка.

– Охотно вам верю, – отвечает Трэвис. – По мне, так вы больше похожи на моряка, чем на адвоката.

– Я всегда хотел быть моряком. Меня... мучило при одной мысли об адвокатской конторе. Я люблю открытые пространства. Надеюсь, вы меня понимаете. Но мой отец упрямо стоял на своем. Он видел меня только адвокатом, и больше никем. Я дал слабину, решил потрафить ему и пошел учиться на адвоката. Но отца уже нет в живых, и, когда эта война кончится, вы не найдете меня ни в одной адвокатской конторе.

– Не говорите «гоп», мистер морской пехотинец, – отвечает мне Трэвис. – Возможно, еще до конца войны вы превратитесь в труп, и тогда любой род занятий потеряет для вас смысл.

– Вообще-то, я везучий. Поживем – увидим. Я жив, нахожусь в Англии, и это все, что меня сейчас заботит, – говорю ему и выбрасываю окурочек. – Знаете, лейтенант, я рад, что все устаканилось. Я добуду разрешение на звонок в Штаты и обрадую Уинна, что бумаги при вас. А после этого вам стоит поскорее навестить местного нотариуса. Он должен удостоверить подлинность документов и получить подтверждение от здешнего Высокого суда. Тогда Уинн сможет запустить процесс в нью-йоркском суде.

– Да, – как-то вяло произносит Трэвис, и в его голосе звучит сомнение. – Не знаю, хочу ли я затевать эту канитель.

Я удивленно смотрю на него:

– Я вас не понимаю, лейтенант. Уинн мне говорил, что вы готовы горы сдвинуть, только чтобы законным образом

освободиться от своей жены. По его словам, вы ее ненавидите сильнее всякой отравы. Она годами отравляла вам жизнь. Вы признавались ему, что готовы отсечь себе правую руку, если бы это принесло освобождение от брачных уз. А теперь, когда все на мази и он может начать процедуру развода, вы вдруг не хотите «затевать эту канитель».

– Знаете, Плейелл... ситуация изменилась, – говорит он. – Уинн сказал вам правду. Кара действительно много лет отравляла мне жизнь. Но она сейчас в Америке, а я здесь. Во-первых, я, как и вы, могу не дожить до конца войны. А во-вторых, чертовски трудно, находясь в Англии, участвовать в бракоразводном процессе по другую сторону Атлантики. И еще: если Кара по-прежнему не желает разводиться, она будет изобретать препятствие за препятствием, мешая работе адвокатов. Ума ей не занимать. Вы это должны знать. Но если я не стану ничего предпринимать и она подумает, что мне все равно, то сработает женская логика. Она устанет быть добродетельной женщиной, найдет себе кого-нибудь и тогда уже сама запросит развод.

– Такое вполне может быть, – говорю ему. – Рано или поздно она обязательно кого-то найдет. А скажите, лейтенант, она действительно настолько красива, как я слышал от других?

– Вы никогда не видели женщины, подобной ей, – отвечает Трэвис. – Она столь же красива, как и коварна. Стоит вам подольше посмотреть на Кару, и вы забываете обо всем.

Я киваю:

– В таком случае не буду больше вам докучать.

– Спасибо за хлопоты. Сообщите Уинну, что бумаги при мне и я крепко все обдумую. Как мне с вами связаться, если понадобится?

– Я служу при штабе в Лондоне. Связаться со мной проще простого.

– Хорошо. В таком случае... спокойной ночи. Кстати, о чем мисс Воан говорила с вами?

Спрашиваю, не Гайду ли он имеет в виду. Оказывается, ее.

– В основном мы обсуждали шанс протрезвить вас до такого состояния, чтобы с вами можно было говорить. А почему вы спрашиваете?

– Просто так. Спокойной ночи.

Он поворачивается и уходит.

Жду, когда за Трэвисом захлопнется дверь, потом закуриваю и неспешно двигаю по полукруглой дороге. По-моему, все пока что в лучшем виде. Я вполне доволен развитием событий. Трэвис кажется мне вполне вменяемым парнем: с характером и симпатичным. Дамочки, наверное, вешаются на него, когда он трезв. Интересно, часто ли он напивается?

Подхожу к чугунным воротам. Из-за ближайшего куста рододендрона слышится тонкий голос:

– Дорогой!

Останавливаюсь. Это Гайда Воан. Она стоит за кустом,

придерживая подол своего бархатного платья. Ее туфельки стали влажными от росы.

– Как это понимать? – спрашиваю ее. – Это игра?

– Тише, дорогуша. Это тайна. Не хочу, чтобы в доме знали о моем разговоре с вами.

– Понятно, – улыбаюсь я. – Значит, тайное свидание.

Гайда улыбается. Кажется, я рассказывал вам про зубки этой цыпочки. В лунном свете они настоящий жемчуг.

– А вы крутой парень. Держу пари, в морской форме вы еще круче.

– Не то слово! Когда я иду по Пикадилли, все дамочки оборачиваются мне вслед, да так, что шейные позвонки хрустят. А просветите меня, Гайда, куда ведет наш с вами разговор?

– Охотно просвещу. – Вид у нее не то мечтательный, не то немного сонный. – Куда вы сейчас идете, доблестный морской пехотинец?

– Домой. Я остановился в деревенской гостинице, но утром возвращаюсь в Лондон. Мое место службы там. И вообще-то, идет война. Но может, вам до сих пор не рассказали?

Она смотрит на меня распахнутыми глазами. В них сверкают маленькие неяркие огоньки. Интересная цыпочка эта Гайда.

– Представьте себе, я осведомлена о войне. Но даже если и идет война, вы не можете круглые сутки пропадать на

службе. Что вы делаете по вечерам?

– Много чего, – отвечаю я и улыбаюсь.

– Так я и думала, – говорит она. – Зануда, не хотите ли сводить меня куда-нибудь?

– Почему бы нет? У вас есть какой-нибудь грандиозный замысел?

– Сейчас расскажу. Хочу кое о чем с вами поговорить.

Смотрю на нее:

– Вы хотите поговорить именно со мной или на моем месте мог бы оказаться любой морской пехотинец?

– Дорогуша, не сделайте ошибку, – говорит она. – Говорить я хочу с вами, а не с кем угодно. И перво-наперво я хочу с вами поговорить о Лоне Трэвисе.

– Понятно. Тогда я целиком в вашем распоряжении. Где и когда мы встретимся?

Гайда снова берет меня за руку:

– Планы у меня такие. Днем я поеду в Лондон и пробуду там до вечера. Хочу немного насладиться азартными играми, – сообщает она и морщит носик.

Она стоит вся в лунном свете, одной рукой придерживая подол своего бархатного платья, а другой держась за мою. Когда я смотрю на эту малышку, мое сердце сбивается с ритма.

– Понятно. И в какие же игры вы собрались играть?

– Если я угадала, вы ведь тоже не чужды этих развлечений? – спрашивает она, не отвечая на мой вопрос.

– Зависит от обстоятельств. Каковы ставки и с кем играешь.

– Послушайте. Ставки меня не волнуют. Если у вас туговато с финансами, могу помочь. Мне почему-то думается, что вам везет в картах. Да. – Она склоняет голову набок и о чем-то задумывается. – По-моему, вы из тех немногих мужчин, которым одинаково везет в картах и в любви.

– Гайда, у меня от ваших слов голова идет кругом. Может, скажете напрямую?

– Хорошо. Давайте проведем вечер вместе. Вы сможете получить увольнительную?

– Без вопросов. Когда мне нужно, я всегда могу сварганить себе пропуск для позднего возвращения.

– Отлично. Буду ждать вас к восьми часам в «Беркли баттери». Мы там поужинаем, затем отправимся в одно симпатичное место и немного поиграем, а после поговорим. Вас устраивает такой план, мистер морской пехотинец?

– Леди, он меня устраивает на сто процентов. А куда мы отправимся играть?

– Вы все равно не знаете этих мест.

– К вашему удивлению, кое-что знаю. Успел познакомиться за время лондонской жизни. Поймите меня правильно: я не отличаюсь узостью кругозора.

– Мне такое и в голову не могло прийти. Если уж так хотите знать, это весьма приятный клуб. Я бы сказала, даже очень приятный. Ставки там высоки, зато игроки – люди до-

стойные и порядочные. Ну что, знакомо вам такое место?

Пытаюсь угадать.

– По-моему, речь идет о клубе «Якорь». Это вблизи Найтсбриджа. Милое такое гнездышко на пятом этаже.

– Нет. Есть места получше. То, куда мы отправимся, находится неподалеку от Маунт-стрит. Официального названия у него нет, но между собой мы зовем его на французский манер «Ше Кларанс»⁶.

– Не слышал о таком. Но охотно наведуясь туда.

– Значит, договорились. А теперь мне пора. – Гайда пристально смотрит на меня. – Те, кто окрестил вас Занудой, наверное, слепы. У вас на редкость обаятельное лицо. Мне нравится ваш подбородок.

– Дорогая, вы, случайно, не предложение мне делаете?

– Нет, – отвечает Гайда. – Если надумаю, обязательно вам сообщу. Спокойной ночи, дорогуша.

Она обнимает меня за шею и вlepяет мне поцелуй. Я не преувеличиваю, именно вlepяет!

Потом поворачивается и торопливо идет через лужайку в дом. Я стою за кустом рододендрона и смотрю ей вслед. Сейчас она похожа на маленького черного бархатного призрака.

На удивительного маленького черного бархатного призрака.

Да!

⁶ «Chez Clarence» – в переводе с французского «Дом Кларанс».

К половине второго возвращаюсь в «Плуг». Поднимаюсь наверх. Бензи храпит у себя в комнате. Даже раздеться не соизволил, плюхнулся в одежде. Его храп похож на дыхание быка, страдающего астмой. Дергаю его за рукав. Он просыпается и трет глаза.

– Вернулся, значит? – Бензи спускает ноги на пол, садится и смотрит на меня. – Ну что, повидал своего дружка?

– Да. Поговорили немного. Все бумаги у него, но он уже не так прыток насчет развода.

– А почему? – искренне удивляется Бензи.

– Трэвис предвидит, что с разводом будет много канители. Раз он сейчас в Англии, пусть документы подтвердят в английском суде, после чего нужно отправить подтверждение в Нью-Йорк. Он сомневается, понимаешь? А еще он считает, что война многое изменила в жизни людей. Он считает, что его дорогой малышки Кары не хватит на целомудренную жизнь до самого конца войны и она на кого-нибудь упадет. Тогда она сама запросит развод. Мысль ясна?

– Ясна, – отвечает Бензи. – Возможно, парень прав. Во всяком случае, звучит логично.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.